

ГОЛОС В БУТЫЛКЕ

СЕРГЕЙ ГРЕБЕНЮК

Сергей Гребенюк

Голос в бутылке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72593227

SelfPub; 2025

Аннотация

«Голос в бутылке» – это повесть о тишине, о спасении, которое приходит не извне, а изнутри, и о словах, которые остаются, даже если не было крика. В центре истории – найденный в море детский дневник. Несколько страниц, упавших с плота в безмолвие, становятся поводом для взрослого человека снова выйти в океан – не за кем-то, а к себе. Это не история катастрофы. Это история о том, что быть услышанным – значит остаться. И что пустая страница – тоже завершение.

Сергей Гребенюк

Голос в бутылке

Пролог

Море не было пустым. Оно было таким, каким бывает человек, который давно молчит: не из страха – из усталости.

Марк сидел в лодке. Без удочки, без цели. Просто – сидел.

С утра было пасмурно, и небо не обещало ничего нового. Он знал это не по прогнозу – по глазам чаек. Те летали низко, как мысли, которые боятся подняться.

Берег был где-то позади. Он больше не считал, насколько далеко отплывает. Чем дальше, тем тише – и тишина не предавала.

Держал термос с чаем, но не пил. Ладони были заняты не теплом – жестом.

Как будто сам этот жест доказывал: я здесь. Я ещё делаю что-то. Даже если никто не смотрит.

Он жил так уже несколько лет. Рыбак без желания ловить, человек без желания встречать. С тех пор как...

Нет. Он больше не завершал этих мыслей. Только начинал.

Вода была ровной, как стекло, в котором не отражается ничего нужного.

И тогда он увидел её.

Бутылка. Не прозрачная, а мутная, как будто изнутри кто-то пытался стереть себя.

Она не дрейфовала как мусор. Она приближалась, как свидетель.

Марк зачерпнул её веслом. Осторожно. Не как находку – как возможность.

Стекло было тёплым. Это удивило. Будто она жила. Горлышко – треснутое, пробка – сбитая. Внутри – что-то цветное, свернутое плотно.

Он открыл её не сразу. Долго сидел, глядя. Не любопытство – сопротивление.

Потом – всё же.

Ткань. Письмо. Нет – тетрадь. Детская. Со стикерами, рисунками, истрёпанными краями.

На обложке – надпись цветным маркером:

«ДНЕВНИК Леи. Только не читать без разрешения!»

Он усмехнулся.

Это был первый звук за три дня.

Он развернул первую страницу.

Почерк – крупный, неровный. Буквы с наклоном то вправо, то вбок. Некоторые слова обведены сердечками. Стикеры с динозаврами и дельфинами.

«1 марта. Это первое предложение. Наверное. Мама говорит, что дневники нужны для памяти, а я пока не знаю, от чего её хранить.

Но мне нравится идея: бумага не спорит.»

Марк пролистнул пару страниц.

«2 марта. Сегодня у нас в школе новая девочка – Юна. Она из Южной Кореи, и у неё очень милые тетрадки. Я сначала хотела сесть рядом, но испугалась. Потом она села рядом со мной. Я дала ей жвачку.

Теперь, может быть, мы друзья. (Если она не против клубничной – это уже 80% дружбы)»

Он усмехнулся. Опять. Чуть мягче.

Слова скользили – не в сердце, в привычку. Как когда читаешь старую книгу, не потому что интересно, а потому что удобно держать в руках.

Он закрыл тетрадь. Посмотрел на воду.

Затем – снова открыл.

«4 марта. Сегодня я узнала, что папа когда-то тоже вёл дневник. Он сказал: «только это был не дневник, а судовой журнал». (Звучит круто. Но я всё равно буду звать свой

дневником.)

Я спросила, было ли там что-то весёлое. Он сказал: “Нет. Но было важно”.

Иногда взрослые говорят так странно.»

Марк читал дальше.

Не потому что хотел. А потому что перестать стало труднее.

Были записи о мороженом, о ссоре с сестрой, о том, как она тайно порвала лист в контрольной.

Про учителя по математике, у которого «грустные глаза, как будто он всё время ждёт ураган».

На одной странице – наклеенный билет из зоопарка.

На другой – рисунок: корабль с огромными парусами и комментарием:

«если бы я строила корабль, он был бы не для плавания, а чтобы находить. Людей. Места. Себя.»

Марк не заметил, как время ушло.

Он убрал дневник в нагрудный карман.

Словно это не чужая вещь, а что-то, что согревает чуть больше, чем термос.

Он вернулся на берег под вечер.

Мотор лодки кашлял, как старик, у которого давно нет причин спешить.

Волны были мелкими, вялыми – как будто тоже устали ждать.

Дом – старая деревянная постройка, с облупленной краской и дверью, которую нужно было поднимать, чтобы закрыть.

Он не чинил её – скрип был единственным голосом в доме.

На крыльце сидел кот.

Не его, дикий. Но приходил.

Иногда Марк ставил ему еду, иногда просто садился рядом. Ни один не гладил другого.

Он прошёл внутрь.

Кухня встречала тишиной, в которой всё давно знало своё место.

Кружка – на плите. Газ – перекрыт. Радио – выключено уже год.

Он положил дневник на стол. Не спешил открывать.

Разжёл плиту, налил воды, поставил чай.

Ждал, пока вскипит – как будто ожидание было важнее самого действия.

Когда сел – снова открыл дневник.

Страница была немного влажной – как дыхание.

Он начал читать дальше, медленно, не подряд – будто пробовал еду после долгого голода.

«5 марта. Мама сегодня сказала, что я слишком громкая. Я старалась быть тише, но тогда все думали, что я заболела.»

Иногда кажется, что тишина – это наказание. Но может, просто способ не мешать другим.

(Интересно, а дневник – это громко?)»

Марк отложил кружку.

Изнутри – будто кто-то тихо дернул за нить.

Кто-то когда-то тоже спрашивал:

«А если я долго молчу – ты всё равно слышишь?»

Он тогда отвёл взгляд. Сказал:

«Конечно. Я тебя всегда слышу.»

Но теперь не был в этом уверен.

Он сжал край стола, будто мог удержать память, пока она не вырвалась.

Чай остыл. Он не заметил.

Глаза вернулись в реальность.

«6 марта. Мы с папой лепили пельмени. У него получаются смешные – как перевернутые лодочки.»

*Я спросила, зачем он когда-то ушёл в море. Он сказал:
«Чтобы не потерять слух».*

Я не поняла. Но, может быть, ты поймёшь, дневник.

(Я думаю, он имел в виду – не уши, а сердце.)»

Он закрыл тетрадь. Слишком близко.

Вышел на крыльцо.

Кот всё ещё был там. Смотрел в одну точку. Как будто знал, что там когда-то что-то было.

Марк сел рядом. Сигарету не зажигал. Просто держал.

Ветер шевелил кромку моря где-то вдалеке.

Он подумал:

«А если я тоже начал слушать – это значит, что ещё не поздно?»»

Глава 1

Утро было серым, как выдох, сделанный до того, как проснулся.

Он проснулся не потому, что выспался, а потому что тишина изменилась. Не исчезла – просто перестала быть привычной.

На полу – тетрадь. Он не помнил, оставлял ли её там. Казалось, что она сама передвинулась. Или просто ждала.

Марк встал.

В доме было прохладно, но он не топил. Он давно не создавал тепло. Только ждал, когда оно пройдёт мимо.

Прошёл в спальню.

На стене – ничего.

Он сам снял фотографии. Сначала по одной. Потом – сразу все.

Они теперь лежали в коробке. Глубоко. Под старыми рыболовными снастями.

Он не открывал её. Даже случайно.

Иногда снился сон: он входит в комнату, а там детский смех. И он не может вспомнить – как зовут.

Он снова вышел на лодку.

Удочку не брал. Просто грёб. Вперёд – чтобы было назад.

Море в этот день было как сердце, которое научилось жить без пульса.

Он читал дневник, как будто слушал радио из далёкого времени.

«7 марта. Сегодня мы с мамой выбрали платья. Не потому что праздник. А просто так.

Она сказала, что иногда надо наряжаться не для других, а чтобы вспомнить, что ты – человек.

Я выбрала голубое. Оно как небо, в которое можно спрятаться.»

Он посмотрел в небо. Оно и правда было таким.

Только спрятаться – не получилось.

Когда-то маленькая фигурка пробежала по дому, закружилась в коридоре – в футболке, которая была ещё великовата.

Она сказала: – Я хотела надеть платье, но вдруг сегодня день, когда надо быть храброй. А в футболке храбрость удобнее.

Он тогда подыграл, спросил, нужна ли ей броня.

Она протянула подушку и сказала: – Вот. Это защита от всего, что не видно.

Он улыбнулся тогда. А сейчас – не смог.

«8 марта. Папа обещал, что на весенних каникулах мы поедem в круиз. Он говорит, что море нужно увидеть не только со стороны, но и внутри.

Я ещё не совсем поняла, но уже собираю ракушки для будущей коллекции.

(И я точно беру дневник с собой. Он будет капитанским!)»

Он закрыл тетрадь. Слишком живо.

На горизонте – ничего.

Но внутри – что-то дрогнуло. Не боль. Не радость.

Просто... дрожь.

В тот вечер он не читал сразу.

Сначала сидел на кухне, глядя в потухшее окно.

За ним – только отражение. Его. Но и оно не смотрело в ответ.

Он думал: а если бы он знал, в какой момент всё пошло не туда – стал бы он менять?

Или просто молчал бы иначе?

Он поднялся. Пошёл в кладовку.

Открыл старый рыбацкий ящик. Под снастями – картонная коробка.

Он не трогал её три года. Но всегда знал, где она.

Пальцы дрожали не от страха – от тишины внутри.

Коробка казалась слишком лёгкой. Подержал немного и положил обратно.

Открыть не хватило сил, либо слишком рано, либо поздно.

На столе – дневник. Ждал.

Он открыл его, как будто впервые.

«9 марта. Мы уже собираем вещи! Мама сказала, что главное – брать не вещи, а настроение.»

Папа возмутился: «А паспорт – это тоже настроение?»»

Я решила взять дельфина. И тетрадь. И много резинок для волос. (Вдруг на корабле будет ветер?)»

Он перевернул страницу.

Там – рисунок: лайнер. Высокий, с множеством окон. Вокруг – волны, чайки, и надпись:

«Пароход “Солария”! Мы плывём на нём!»

Он не знал – детская ли рука была неуклюжей, или просто торопилась нарисовать всё сразу, пока не забыла, как выглядит радость.

«10 марта. Папа купил билеты. Я слышала, как он спорил по телефону.

Он говорил: “Нам нужен этот отпуск, и точка”. Иногда взрослые тоже устают быть сильными.

(Но лучше бы они говорили об этом – как мы.)»

Марк закрыл дневник.

Усталость пришла – не как сон, а как отсутствие необходимости бодрствовать.

Он лёг на диван и долго не выключал свет. Боялся снова не вспомнить.

Сон не пришёл. Только дремота, с которой не договорился.

Когда рассвело, казалось, что ночь не закончилась – просто сменила цвет.

Он встал почти машинально.

Кухня встретила его тишиной, которую даже чайник не

нарушил.

Он взял термос, тетрадь, старую куртку.

Не потому что хотел в море. Просто дом стал теснее.

И вскоре – лодка. Старое дерево под ногами, запах масла, привычный скрип.

Уплыл далеко от берега, где даже ветер был вежлив.

Он снова читал. На этот раз – не глазами. Вслушиваясь в паузы между строк, как в дыхание.

Перелистнул до маркера в виде бумажного флажка.

«11 марта. Люси выбрала себе чемодан. Розовый. С крыльями.

Я спросила, зачем крылья, если он катится.

Она сказала: “чтобы знать, что он умеет летать, даже если пока не надо”.

Иногда она говорит такое, что я завидую.

Я выбрала синий. Как вода, в которой хочется утонуть не совсем, а просто чтобы потом всплыть и стать другим.»

Марк улыбнулся. Легко, непрощено.

«12 марта. Мы собираем список:

Плавки – для папы

Платье – для мамы (которое с цветами)

Дельфин – Люси его называет “капитан Дельфи”

Зарядка для планшета

Дневник (капитанский журнал!)

Мешок для ракушек

Фотоаппарат

(Хотя папа говорит, что главное – запоминать глазами)»

Он отложил дневник, чтобы налить чай.

Рука дрожала. Чуть.

Не от волнения – от того, что внутри становилось теснее.

Как будто давно забытое чувство просыпалось, но ещё не понимало, где оно.

Он посмотрел на горизонт. Не искал. Просто смотрел.

Как будто глаза сами хотели дойти до конца этой строки.

Потом снова открыл дневник.

«13 марта. Папа говорил по телефону. Я проходила мимо – он не заметил.

Он сказал: “Ну да, слышал про задержку рейса... и что кто-то из персонала жаловался. Да-да, понимаю, это интернет – там любят нагнетать.

Сам не раз сталкивался, я ведь тоже хожу в море. Это бывает. Если бы было что-то серьёзное – лайнер бы не выпустили.

У «Солариш» контроль должен быть на уровне.”

Потом он выдохнул и тише добавил: “Наверное, вы правы.

Если бы правда что-то было – рейс бы отменили. Просто хотел убедиться. Я еду с семьёй.”

Когда он вошёл в дом, он улыбался.

Но куртку снял чуть медленнее, чем обычно.

(Иногда папа делает вид, что не волнуется. Чтобы мы тоже не начали бояться.)»

Марк перечитал эту фразу.

Он знал этот тон – когда хочешь поверить, потому что иначе придётся отменить всё.

Марк провёл пальцем по полям страницы. Закрыв, но не убрал.

Они тоже когда-то собирались в путь. Не в круиз – просто на дачу, на пару дней. Она тогда носилась по дому, проверяя аптечку, зарядки, альбомы, карандаши. Слишком серьёзно для своих лет.

– А если ты заболеешь в поезде, у нас будут витамины и вода, – сказала она, – я уже положила.

Он пошутил: – А если ты заболеешь?

Она пожала плечами: – Тогда мне понадобится ты.

Он помнил, как она застёгивала молнию на рюкзаке. Медленно. Как будто пыталась запомнить...

Нет. Не сейчас.

Он опустил взгляд – и снова вернулся к дневнику.

«14 марта. Сегодня мы выехали в порт. Люси уснула в машине с дельфином в руках.

Мама всё пересчитывала сумки. Папа молчал – но не как обычно. У него было лицо, будто он идёт в гости к прошлому.

Я спросила, что он чувствует. Он сказал: “Слишком много сразу. Это хорошо.”

Когда мы увидели лайнер – я перестала думать. Он был огромный. Почти как город. Только без улиц – с волнами.»

Марк перечитал абзац, не моргая. Он не представлял, как выглядит лайнер «Солария».

Но теперь видел его глазами ребёнка – и этого хватало.

«Мы стояли в очереди на посадку. Люси проснулась и сразу спросила: “А где капитан?”

Папа рассмеялся. “Он наверху. Следит, чтобы всё было по курсу.”

Мне захотелось, чтобы капитан был не на корабле, а рядом с нами. На всякий случай.»

Марк закрыл дневник.

Подул ветер – не сильный, но цепкий.

Волны били в лодку, словно напоминали, чтобы он не оставался здесь слишком долго.

Он встал, завёл мотор. Дом ждал.

Кот снова был на крыльце. Сидел на том же месте, смотрел в ту же сторону.

Марк сел рядом.

Положил дневник на колени, но не открывал.

Иногда молчание – продолжение чтения.

Глава 2

Он вспомнил: Давно. В другой жизни.

Они втроём – он, жена и дочка – поехали на юг. Первый раз. Вещей было слишком много, все торопились, электричка опоздала.

Жара висела в воздухе, как одеяло, от которого не спрятаться. На перроне – суета. Кто-то ругался, кто-то смеялся, девочка держала в руках билет и смотрела на вагоны, как на сказку.

Когда сели, окна запотели от дыхания. Он вытер ладонью стекло.

А она вдруг сказала, тихо:

– Теперь всё по-настоящему, да?

Он тогда только кивнул. Не знал, что сказать. Слов было слишком много и ни одно не подходило.

Он смотрел на неё – в рюкзаке плюшевая корова торчала

из кармана, резинка на волосах съехала набок.

Теперь бы сказал. Что-то.

Может: *“Да, и мы вместе – значит, всё правильно.”*

Или: *“Запомни этот день. Даже если кажется обычным – он потом будет нужным.”*

Но тогда он молчал. А поезд уже тронулся.

И никто не знал, куда он на самом деле их приведет.

Он зашёл в дом, поставил чайник. Свет в кухне был туск-
лый. Дневник лежал на столе, как костёр, который не даёт
тепла – но даёт свет.

Снова открыл.

«На борту всё большое. Стены, столы, окна.

*Номера похожи на гостиницу. Люси сказала: “А где мо-
ре?” – потому что из иллюминатора видно только небо.*

*Папа водит нас по палубе. Показывает, как всё устроено.
Он тут как рыба в воде – только в туфлях.*

*Я чувствую: он скучал по этому. Но теперь мы с ним. И
это делает его другим.*

*Чуть позже нас позвали обедать. За столом пахло фрук-
тами и морем.*

*Люси взяла две дольки ананаса и аккуратно положила их
себе на тарелку.*

“Хватит” – сказала она, будто сама себе”

Папа заметил её взгляд на вазу.

“Бери три, – улыбнулся он. – Ты же в отпуске”

Люси рассмеялась и добавила ещё одну.

Я потянулась за клубникой, а мама налила нам сок. »

Марк усмехнулся.

Он тоже когда-то так говорил. Или хотел сказать – но не успел.

Он вспомнил утро в маленьком приморском отеле, где скрипела каждая ступенька, а в столовой пахло персиками и жареными гренками.

Они с дочкой сидели за столиком у окна. Жена ушла за кофе. На тарелке – ломтики ананаса, аккуратно разложенные, как солнышко.

Он взял вилку, но она его остановила:

– Подожди, пап. Это же красиво. Надо посмотреть. Запомнить.

Он тогда улыбнулся, немного смущённо. Марк всегда ел быстро, как будто время подгоняло.

А она – нет. Она умела делать паузу.

Потом она взяла кусочек ананаса пальцами, не вилкой,

откусила – и зажмурилась.

– Кисло, – сказала.

– Не бери больше, – предложил он.

– Нет, – ответила. – Это хорошая кислинка. Такая, что будешь помнить.

Он потом часто возвращался к этой фразе.

"Хорошая кислинка."

Как будто она заранее знала, что не всё сладкое – лучше.

Свист. Резкий. Чайник взвыл на плите, как будто настоящее выдернуло его за шиворот из чужого утра.

Пар ударил в лицо. Он вскочил машинально, убрал с конфорки, закрыл кран.

Воздух был горячий, и в нём уже не осталось ананаса.

Он открыл окно, чтобы впустить хоть немного прохлады.

На карнизе, под самой крышей, сидела чайка – одна, лохматая, будто тоже устала плыть.

Смотрела в одну точку, не двигаясь.

Марк снова наклонился к дневнику.

«После еды мы гуляли по палубе. Я пыталась считать чаек, но они не стоят на месте. Папа объяснил, что в море их меньше – они не любят быть далеко от суши.

Значит, мы уже далеко.»

Он посмотрел на лохматую чайку.

Может, и правда – она не летает далеко. Потому что знает,

где её берег.

Вернулся к дневнику.

«15 марта. Днём мы пошли в бассейн. Люси испугалась сначала, но потом прыгала как лягушка.

Я познакомилась с мальчиком – его зовут Итан. Он из Канады. У него есть шрам на щеке, он говорит, что это от катера. Я не знаю, правда ли, но это звучит как приключения.

Папа говорит, что приключения – это то, что кажется смешным только потом.»

Марк на секунду прикрыл глаза.

«Смешным только потом»

– странная фраза. Но верная.

«Вечером был концерт. Мама танцевала. Я не видела, как она так танцует раньше. Она будто сбросила с себя всё, что держала, и осталась только музыка.

Папа стоял в тени, с вином. Он улыбался. Но смотрел не на нас – куда-то вглубь палубы.

Я спросила, что он делает. Он сказал: “Привыкаю быть на празднике”.»

Страница заканчивалась.

Марк собирался перелистнуть – но взгляд зацепился за строчку, приписанную сбоку, другим цветом.

«P.S. Когда мы возвращались в каюту, в коридоре стояла тележка с постельным бельём. Она была вся наклонена, как будто кто-то бросил её и убежал.

Люси сказала: “Там что-то испугалось”.

Мама велела не обращать внимания.

Папа ничего не сказал.»

Марк замер. Он знал это молчание. Сам через него проходил.

Вечер. Город. Они возвращались из кино. Дочка шла впереди – в капюшоне, в наушниках. Смеялась, что-то показывала на витрине. А он замедлил шаг.

Рядом с аптекой стоял человек – в форме, с бейджем, на котором была написана специальность. Он что-то обсуждал с другим. Говорил быстро. В его голосе не было паники. Но в глазах была спешка. И в жестах – неуверенность. Как будто знал: времени не хватит.

Марк тогда замер. На секунду. Или две. Потом догнал дочь.

Она спросила:

– Всё нормально?

Он кивнул.

– Конечно.

Только сейчас понял: тогда и началось. И тележка в коридоре, и человек у аптеки – одна и та же примета. Когда что-то не вписывается в привычный мир – и никто не говорит вслух.

Он закрыл дневник. Впервые – не на грудь, а рядом. Как будто он всё ещё тёплый, но уже не в теле.

Ночь была короткой. Или длинной – он не стал проверять.

А утро – резким.

Ветер выл в створках окна, будто снаружи кто-то забыл пароль от дома и пытался напомнить.

Поднялся молча, будто шагал не к новому дню, а к продолжению чужой истории.

Подошёл к шкафу, долго не открывал. Там хранилось всё, что откладывал на «потом», пока это не стало «никогда».

Достал коробку – не с фотографиями, другую. Серую, из плотного картона, почти без пыли. Внутри лежал детский шарф. Синий, с белыми нитками на концах.

Поднёс к лицу. Запаха уже не было. А воспоминание – было. Как удар без звука.

Сел на край кровати, сжимая шарф. И впервые за долгое время – почти произнёс имя. Не вслух. Внутри.

Глава 3

Он вышел на улицу, как будто воздух мог выровнять дыхание.

Сел на крыльцо, положил дневник на колени.

Открыл.

«16 марта. Проснулись рано. Люси пиналась во сне – она сказала, что летала.

Папа говорит, что к вечеру будет качать сильнее. Я пока не чувствую.

Мама смотрит в окно – долго, будто ждёт, когда море само что-то скажет.

Я спросила, когда мы будем на островах. Папа сказал – через четыре дня.

Я нарисовала карту. На ней мы – точка. И всё вокруг нас – вода, как запятая.»

Марк почувствовал, что дышит чуть глубже.

«После завтрака Итан не пришёл. Я спросила у возжатой, а она сказала, что он плохо себя чувствовал.

Я расстроилась.

Папа сказал: “В море все становятся чуть другими. Это нормально.”

Я не знаю, какими мы будем через четыре дня.

Но я надеюсь, что Люси будет той же.

И мама.

И папа.

(И я. Но с островами внутри.)»

Он задержался на этой фразе.

«Я – но с островами внутри.»

Он не знал, что она имела в виду. Но чувствовал, что это важно.

Как зашифрованная дверь.

И подумал:

– Как тогда.

Они гуляли по берегу. Было пасмурно, дул ветер.

Дочь шла немного впереди, собирала плоские камни – такие, что хорошо ложатся в ладонь.

Он спросил:

– Зачем тебе столько?

– Я буду ими выкладывать путь, если вдруг окажусь не там, где надо.

Он усмехнулся:

– А ты боишься потеряться?

Она посмотрела на него снизу вверх.

– Я – нет. Но если вдруг меня много.

И кто-то из меня отстанет.

Он замолчал. Не знал, что ответить.

Не потому что не понял. А потому что понял слишком глубоко – как бывает с детскими словами, в которых взрослые узнают свои страхи.

Потом она бросила один камень в море.

– Этот – на всякий случай. Он не нужен, но пусть будет.

И тогда он подумал: может, всё важное мы бросаем в воду,

на случай, если кто-то когда-нибудь найдёт и поймёт.

Марк отложил дневник. Посмотрел на шарф рядом.

И сказал вслух:

– Я читаю.

Слова прозвучали странно. Сухо. Но они были. И это значило: кто-то всё ещё мог их услышать.

Марк не вернулся в дом сразу. Сидел на крыльце, глядя в воду.

Ветер усилился. Лодка покачивалась у причала, как будто звала, но без слов.

Он снова взял дневник.

«17 марта. Сегодня качает сильнее. Папа сказал, это из-за смены ветра.

Люси катается по кровати, как мячик.

Мама положила подушки у бортиков – “на всякий случай”.

Я думаю, подушки – это такие мягкие заклинания.

Папа говорит, что всё хорошо. Он говорит это чаще, чем раньше.»

Марк задержал дыхание.

Слова «*всё хорошо*», повторённые слишком много раз, иногда значат обратное.

Он пролистнул дальше. Страница была пустая. Потом – ещё одна.

И, наконец – новая запись. Почерк был чуть неровнее. Словно писали на коленях.

«18 марта. Сегодня в коридоре пахло маслом и гарью.

Я спросила у одного из дяденек из команды, что случилось.

Он сказал: “Ничего, просто тренировка.”

Но он не улыбался.

Люси нарисовала корабль и под ним волну. Она сказала: “Это волна, которая хочет съесть всё, но не сможет. Потому что у нас есть Дельфи.”

Я не смеялась. Но кивнула.»

Марк закрыл дневник. Медленно. Не от страха – от того, что пауза стала слишком полной.

Он сидел так ещё минут десять. Потом встал. Пошёл в дом и снова достал коробку.

Но чего-то вновь не хватило. Но в памяти четко возникла

фотография: девочка в жёлтом пальто, кроссовки, лужа.

Он провёл пальцем по коробке.

И в этот момент – впервые за много лет – произнес имя.

– Со...

Оно прозвучало глухо, будто прошло через воду, поглотившую окончание.

Но не исчезло: имя зависло в воздухе, как первая фраза будущего разговора.

«19 марта. Солнце с утра светит прямо в иллюминатор. Я проснулась раньше Люси. Она ещё спала, прижав дельфина к щеке.

Папа сказал, что сегодня день – “самое спокойное место посреди океана”.

Это прозвучало красиво. Я запомнила.»

Марк читал на крыльце. Ветер гнал облака, но не мог стереть строку, которую он только что прочитал.

«Мы позавтракали на верхней палубе. Было чуть ветрено, но весело.

Люси ела хлопья, и они улетали у неё из ложки.

Папа поймал одну рукой и сказал: “в море не пропадает ничего важного”.

Я хотела ему верить.»

Он перевернул страницу. Она была тёплая от солнца, хотя сам дневник – холодный на ощупь.

«Сегодня я пошла на детскую палубу. Там много детей. Мы строили крепости из подушек, и потом из нас сделали “пиратов”.

Вожатые сказали, что через день будет мини-фестиваль.

Я решила придумать костюм: дельфин с короной. (Люси будет матросом. Она не против – если я разрешу ей блёстки.)»

Марк медленно провёл пальцем по строчке.

Он даже не заметил, как начал читать вслух. Тихо. Почти шёпотом.

Но голос всё равно был.

«Папа сегодня долго говорил с кем-то в форме. Я не слышала, о чём. Но он был серьёзный.

Потом он пришёл к нам, взял нас за руки и сказал: "Давайте просто будем вместе. Всё остальное – подождёт. "

Я не знаю, что он имел в виду. Но я кивнула.

(Когда взрослые говорят не то, что думают – это чувствуется.)»

Марк закрыл дневник.

Ветер усилился. Он посмотрел в сторону лодки. Она стояла, как всегда. Но впервые – он подумал, куда бы она могла пойти.

Он проснулся рано, как обычно. Но на этот раз – внутри была дрожь. Не тревога. Просто что-то ждало.

Марк заварил чай. Положил хлеб в тостер. Пока ждал – пошёл за дневником. Без решения. Без вопроса. Как будто кто-то уже открыл его внутри него.

«20 марта. Сегодня папа говорил с мамой дольше, чем обычно. Они стояли на нижней палубе, думали, что мы не слышим.

Но мы были рядом, за шезлонгом. Люси уснула, а я – слушала.

Мама спросила: “А если правда не только слухи?”

Папа сказал: “Я поговорю ещё раз. Мне показалось, что они нервничают.”

Потом они замолчали. Мне кажется, иногда молчание – громче, чем все крики.»

Марк машинально потянулся за ручкой. Хотел что-то записать на полях.

Но рука опустилась.

Он вышел на берег.

Глава 4

У соседнего дома стоял старик – Руи, бывший моряк, с которым они когда-то ловили ставриду.

Марк остановился.

– Слышал, шторм обещают, – сказал Руи, не поворачиваясь.

Марк кивнул.

Потом – сделал вдох. Открыл рот.

Хотел сказать: "Я читаю дневник. Девочка с лайнера. Кажется, с ними что-то случилось"

Но из горла вышло:

– Да... ветер меняется.

Молчание повисло между ними, как сеть, которую никто не тянет.

Он вернулся домой. Сел на край кровати.

Открыл дневник вновь.

«Позже я услышала, как кто-то из команды сказал: "Опять сигнал с моторного»

И второй человек ответил: "Да сколько можно – они же не должны это видеть»

Я сделала вид, что не слышала. Но я запомнила.

Может, и правда – просто учения.

Но папа смотрел в сторону мостика, как будто там что-то не по плану.

(Иногда хочется спросить: а у кого этот план есть?)»

Он закрыл дневник. И остался сидеть.

Свет в комнате был, но он не чувствовал тепла.

Марк вспомнил телефон. Жену. Голос в трубке. Её фразу.

– Ты ведь приедешь, да? Ей хуже.

Он тогда сказал:

– Я в рейсе. Но я попробую вырваться. Если получится

– утром сразу выйду. Или хотя бы к вечеру. Я сделаю всё, чтобы успеть.

Слышишь?

Я приеду!

Он помнил тишину после. И своё дыхание – слишком громкое для обещания.

«21 марта. Ночью был толчок. Не как волна. Не как качка.»

Я проснулась, потому что Люси закричала.

Мама подошла. Она сказала, что это просто “смена курса”. Но голос у неё дрожал.

Я это почувствовала.

Иногда дрожит не голос, а воздух вокруг.»

Марк читал, опершись локтем о подоконник. За окном

хлестал дождь.

Пальцы были тёплые – кружка в руке.

А внутри – снова тот самый холод, который приходит не из ветра, а из прошлого.

«Папа не спал. Он был одет. Он ходил по каюте, как будто кого-то ждал.

Потом ему позвонили. Он сказал: “Я иду”.

Он поцеловал нас в макушки и вышел.

Мама крепко прижала нас к себе.

И тогда я поняла, что она больше боится, чем хочет показать.

(Я не люблю, когда взрослые боятся. Это будто стены становятся мягкими и исчезают.)»

Марк поставил кружку. Чай остался наполовину. Он не заметил, как вкус ушёл.

Что-то не давало покоя.

Он перелистнул дневник – и наугад, ближе к началу,

наискосок уловил знакомую цифру.

«13 марта. (Дописываю вечером, уже из гостиницы.)

Лиссабон огромный. И шумный.

Камни под ногами как будто старые, как бабушкины зу-

бы.

Мама смеялась, когда я это сказала.

Папа сказал, что порт внизу, и завтра мы увидим “настоящую махину”.

Люси спросила: “Махину с рогами?”

(Иногда мне кажется, что она не понимает, но ей просто нравится звучание слов.)

Завтра – посадка.

Я не знаю, как будет, но мне хочется скорее на воду.»

Марк провёл пальцами по строчке: «Лиссабон». Закрыв глаза.

Когда-то и у них на кухне висела карта. Не старая. Не морская. Просто постер с городами – куда возможно, когда-нибудь.

Она подошла в пижаме. Волосы ещё мокрые. Ткнула пальцем в середину:

– А если поехать вот сюда?

– Лиссабон? – уточнил он.

– Ага. Похоже на имя доброго волшебника. Или как будто он открывает двери.

Он усмехнулся.

– Можем начать с парома до дачи.

Она скривилась:

– Это не похоже на приключение.

Потом добавила. Тише.

– Но ты пообещай. Если однажды будет возможность – мы поедем. Даже если просто постоять на берегу.

Он кивнул. И это был один из тех кивков, которые остаются навсегда.

Карта лежала в сундуке. Старая. С тёмными сгибами. Он достал её. Развернул.

Положил карандаш на начало – Лиссабон. И мягкой рукой, без нажима, повёл линию на юго-запад.

Не как расчёт. А как жест. Который нужен руке, когда сердце уже знает раньше головы.

Он смотрел на маршрут. Она пересекала океан – как будто знала, куда идти. Как будто корабль был живым. И знал путь.

Чай в кружке остыл. Дом стоял тихо. Как закрытая книга.

Он вернулся к дневнику.

«22 марта. Сегодня нас не пустили на палубу. Сказали – “возможны осадки и сильный ветер”.

Но я видела небо – оно было спокойным.

Люси спросила: “А они боятся, что небо устанет?”

Я сказала – да. Чтобы она не спрашивала больше.»

Марк перечитал эту строчку.

Детская защита младшей сестры.

И взрослая тревога, которой не должно быть в девяти лет.

Он продолжил:

«Мы играли в комнате. Я нарисовала океан. Без корабля.

Мама сказала: “Грустный рисунок”.

Я не знала, почему так вышло.

Папа пришёл поздно. Он был уставшим и глаза были такие... как будто он плавал внутри себя и не нашёл берега.

Он обнял нас. Сильно.

Слишком сильно.»

Марк закрыл дневник. Руки были горячими. Лоб – прохладным.

Подумал: если бы кто-то обнял его так – вдруг бы что-то и в нём отпустило?

Открыл окно. Сквозняк с каплями ворвался в дом, как влажный голос, которого давно не слышал.

Занавеску повело, как дыхание чего-то большого – и невидимого.

Снова дневник.

«23 марта. Утром мы не завтракали в столовой. Всё выдали по номерам.

Папа сказал, что это “учения”.

Но он не шутил.

Мама сверяла документы. Люси надула щёки и сказала, что хочет обратно домой.

Я сказала – скоро всё пройдёт. Но внутри не знала, откуда взялись эти слова.»

Он замер.

Он знал это чувство: когда говоришь, чтобы кого-то успокоить – но не можешь поверить даже сам себе.

Он провёл пальцами по краю страницы.

«Днём мы услышали звук. Он был глухой, будто внутри металла кто-то стукнул кулаком.

Папа сказал – “ничего страшного”.

Но потом он вышел. И долго не возвращался.

Я нарисовала карту.

На ней – круг.

Мы – в центре.

А вокруг – только вода.

И тишина, как будто море перестало дышать.»

Марк посмотрел в сторону своей лодки.

Та самая тишина – сейчас стояла и вокруг него. Но она уже не казалась спокойной. Скорее – настороженной.

Как перед чем-то.

Он вернулся к последнему абзацу записи:

«Вечером нас не пустили на общее собрание. Только взрослых. Перед тем как уйти, папа держал мою руку слишком

крепко.

Как будто не хотел отпускать.

Я осталась в коридоре.

А потом – услышала его голос:

“Я сам был капитаном. Если у вас проблемы – я помогу”

Я им гордилась.»

Марк опустил взгляд.

Он всё сильнее чувствовал, что скоро – произойдёт что-то.

Словно каждое слово в дневнике – это предупреждение, но он пока не знает, от чего именно.

Глава 5

Он вышел на крыльцо. Дождь уже не бил в лицо – просто шёл. Упрямо. Ровно. Как будто у него был маршрут, а всё остальное – не важно.

Мир не шумел. Даже не звучал. Просто тёл.

Кот не пришёл. Хотя обычно в такую погоду сидел у двери первым.

Марк прислушался. Ничего. Только дождь и воздух, в котором будто кто-то держал паузу.

Он сел. Остался один. Дневник – в руках.

Сначала держал просто так.

Потом открыл.

«24 марта. Сегодня всё было странно.

По громкой связи просили всех оставаться в каютах.

Но не кричали. Просто – спокойно. Это даже страшнее.

Папа ушёл снова. Сказал, что должен помочь команде.

Я спросила: “А капитан что делает?”

Он ответил: “Иногда капитану тоже нужно, чтобы кто-то рядом держал штурвал”

Я не поняла. Но кивнула.»

Марк провёл рукой по лицу.

Как будто мог стереть тревогу, как пыль.

«Люси плакала. Сказала, что слышала, как кто-то говорил: “Если не починят – к ночи будет сложно”.

Я сказала, что всё хорошо. Но рука дрожала.

Мама держала нас обеих.

Мне казалось – она сильная.

Но в этот раз – она просто боялась вместе с нами.»

Он закрыл дневник. Остался сидеть. Молча.

Небо над головой было низким. Казалось, если прыгнуть – можно достать облако. Но зачем? Когда есть то, что уже не отпускает.

Ночью не спал. Лежал, глядя в потолок. Свет не включал – чтобы не видеть, как время течёт.

На столе лежал дневник. Не открывал. Ждал, чтобы слова сами позвали.

С первыми проблесками встал. Заварил чай. Развернул карту. Провёл пальцем по линии – до самого края. Там, где кончается известное.

Взял дневник. Открыл.

Новая страница.

«25 марта. Сегодня всё стало по-другому.

Мы проснулись от звука. Глухой грохот. Как будто внутри корабля упал камень – не на пол, а в самое сердце.

Потом – тишина. Но не обычная. Не как ночь. А как перед тем, как что-то треснет.

Папа вернулся. Был уже в форме.

Мама спросила:

– Что случилось?

Он сказал:

– Нужно немного помочь. Всё под контролем. Просто слушайте команды. Я найду вас позже. Без меня – никуда.

Это был не ответ.

Слова – вроде обычные. Но в голосе было что-то...

Словно он говорил слишком спокойно.

Словно не хотел, чтобы мы поняли.»

Марк вцепился в край страницы.

Картон под ногтями.

Он читал дальше.

«Потом всё стало как в кино. Только непонятно – началось ли оно уже, или это ещё реклама перед страшным фильмом.

По громкой связи сказали: “Оставайтесь в каютах”.

Но в коридоре кто-то кричал. Кто-то бежал.

Мама велела нам одеться и ждать отца.

Люси дрожала. Я держала её за руку, так крепко, что она заплакала.

Папа был где-то. Я не знала – где.

Но знала: он бы сказал нам – бежать.

Мы стояли в дверях. Слушали, как гудит металл.

Потом – стук в стену. И снова – шаги.

И вдруг всё затихло.

Как будто кто-то выключил шум, но не объяснил – почему.

Через полчаса открылась дверь. Папа стоял там.

Он был мокрый, будто только что вернулся с палубы.

Но улыбался.

– Всё в порядке, – сказал он. – Это было замыкание. Локальное. Уже устранили. Просто перебой с автоматикой. Такое случается.

Он говорил спокойно. Как будто хотел, чтобы мы ему поверили – даже если он сам пока не до конца верит.

Мама смотрела на него долго. Потом спросила:

– Нам что-то не говорят?

Он отвёл взгляд.

– Нам говорят ровно столько, сколько нужно. А остальное – для тех, кто в команде.

Потом он сел рядом с Люси. Обнял её. И меня. И добавил:

– Завтра будет лучше. Обещаю.»

Марк положил дневник на стол. Не закрывая. Просто смотрел в одну точку – как будто слова ещё не ушли, а только входили.

Он тоже когда-то это слышал.

Тот же тон. Та же попытка сказать: «всё хорошо» – до того, как станет понятно, что нет.

Врачи говорили: «Динамика положительная».

Он верил. Хотел верить.

Жена тогда сказала:

– У тебя же рейс.

Он кивнул.

– Там аванс. Без него мы не закроем больницу.

Она сжала пальцы.

– Я не хочу, чтобы ты ехал.

– Я тоже.

– Но надо?

Он не ответил. Только обнял.

– Если станет хуже – сразу назад. Я на связи.

И потом... тот звонок.

Нет, он не хотел туда снова.

Но сейчас – туда и вёл дневник.

«26 марта. С утра всё было тихо. Даже слишком.

По громкой связи объявили, что «система стабилизирована» и «все службы работают в штатном режиме».

Я не знала, что это значит. Но голос был ровный, как будто читали погоду на радио.

Мама сказала, что это хороший знак. Папа кивнул. Но как-то не сразу.

Мы позавтракали в каюте. Всё снова выдали в пакетах. Люси надула щёки и спросила, будет ли ананас. Папа поцеловал её в макушку и сказал: «Будет. Обязательно.»

Я не стала спрашивать, когда.»

Глава 6

Когда тучи разошлись, он вышел в море. Без удочки. Не за рыбой. Не за ответами. Просто – чтобы не потерять. Плыть было легче, чем ждать.

Вода была гладкой, как будто море решило не отражать ни небо, ни людей.

Он поглаживал обложку дневника – не чтобы почувствовать бумагу, а чтобы не исчезнуть окончательно.

«Позже мы вышли на палубу. Воздух был тяжёлый, как

перед дождём. Но небо – безоблачное. Я смотрела в него долго. Мне казалось, что оно врёт.

Папа шёл впереди. Люси держала его за палец. Она шептала: «Если корабль дышит, он не сломается».

Я спросила, кто ей это сказал.

Она ответила: «Никто. Просто чувствую.»

Мама всё оглядывалась. Как будто искала кого-то. Или ждала.»

Ветер стих. Море не шумело. Дневник всё ещё лежал на коленях, но внутри было странное спокойствие. Как будто всё уже миновало. Как будто теперь – просто след. И ничего больше не случится.

Он хотел в это верить. Хоть немного. Хоть на время.

Но даже эта надежда казалась чужой. Как будто оставленной кем-то. Забытой. Не для него.

«На втором уровне прошёл человек из команды. У него в руке был планшет. Он разговаривал по рации. Смотрел в сторону, где моторный отсек.

Я услышала: «Главное – чтобы не снова».

Папа сказал: «Идём внутрь. Ветер усиливается».

Но ветра не было.»

Марк закрыл дневник.

Он слышал такое море раньше – без звука. Только с дав-

лением.

Тогда он знал: либо буря, либо тишина навсегда.

Он просто сидел.

Ветер гладил плечо.

Но внутри начала нарастать дрожь.

«Вечером мы снова сидели в каюте. Папа чинил ляжку на рюкзаке.

Мама гладила Люси по волосам.

А я рисовала. Корабль – как он есть. Только с глазами.

Чтобы он тоже смотрел.

Я хотела спросить, починили ли «всё». Но не стала. Потому что знала: если папа не говорит сам – значит, нет.»

Марк закрыл глаза. Лодка стояла ровно, но внутри – всё качалось. Вздохнул. Иногда самое страшное – это когда тебе дают надежду, а ты не можешь её удержать.

Вспомнилось.

Тогда в палате было почти тихо. Капельница щёлкала.

Врач говорил уверенно:

– Улучшение есть. Главное – не торопить.

Он кивнул. Жена улыбалась. Устало.

Дочь спала. На лице было что-то спокойное. Даже лёгкое.

Он тогда подумал: всё, сейчас пойдёт обратно.

Вышел в коридор. Позвонил, когда сняли трубку, произнес:

– Нам легче. Кажется, выкарабкаемся.

Это был единственный раз, когда позволил себе сказать «кажется».

Через день – всё снова поменялось.

Он открыл дневник на следующей странице.

«Папа сказал, что утром нас снова пустят в столовую. Как обычно», – добавил он.

Но никто не поверил. Даже Люси.

Мама спросила, где он был, когда всё началось.

Он ответил: «Внизу. Помогал». И больше ничего.

Я не спрашивала. Я просто слушала, как он говорит.

Он всегда говорил размеренно. Но теперь – как будто через воду.

Ночью было тихо. Даже корабль не скрипел.

Я лежала между Люси и стеной. Мама не спала – я слышала, как она шевелится.

Иногда мне кажется, что она считает вдохи. Свои. Наши.

Чтобы убедиться: мы ещё здесь.»

Марк посмотрел на небо.

Чайки не летали. Только одна сидела на буйке, как точка, забытая на конце чужого письма.

Он закрыл дневник, но не убрал.

Как будто боялся, что он исчезнет, если спрятать.

«27 марта. Сегодня мы проснулись поздно. Нас никто не будил. За дверью было тихо. Только шаги – редкие, глухие, как будто люди разучились ходить громко.

Мама выглядела усталой. Папа сидел у окна, держал кружку двумя руками, как будто в ней было что-то важнее чая.

Люси смотрела в потолок. Я спросила, что она делает.

Она ответила:

– Думаю, небо запомнит нас, если мы будем тихими.»

Марк вздрогнул.

«Если мы будем тихими» – сказала Люси.

А однажды – в ту самую последнюю зиму – она сказала:

– Пап, а если я перестану шуметь... ты меня забудешь?

Он тогда рассмеялся. Обнял её, подбросил, щекотал.

А потом – не успел.

Смотрел в строчку, как будто в провал между мирами.

И в нём шевельнулась боль – старая, как берег.

Он читал дальше.

«На завтрак снова выдали пакеты. В этот раз – без сока. Папа сказал: «Так легче перевозить».

Мама ничего не сказала. Только сверила список вещей. И паспорта. Уже третий раз.

Я спросила, боится ли она.

Она улыбнулась. Но не как мама. А как человек, которому уже некогда объяснить.»

Марк задержал дыхание. Вспомнил жену. Как однажды она сказала:

– Марк, я со всем справляюсь. Но иногда просто хочется, чтобы кто-то сказал: «Я рядом». Без плана. Без решения. Просто рядом.

Он тогда кивнул. Услышал.

Но всё равно уехал.

Наклонился вперёд. Прислушался к тишине за бортом.

Море было пустым. Но не безжизненным.

В этом молчании что-то двигалось. Что-то ждало. Он снова сел.

Не для того чтобы читать. А чтобы остаться.

С дневником – в руках.

«Днём по громкой связи сказали, что «погода ухудшается», и всех просят оставаться внутри.

Но я видела в иллюминатор – небо было ясное.

Папа сказал: «Иногда лучше перебдеть».

Я не знала, что это значит. Но мама сказала: «Иногда – да».

И в этот раз она говорила первой.»

Он не стал читать дальше. Просто сидел. Море молчало.

Подумал: а вдруг это – пауза? Как перед разворотом. Или перед главой, где всё должно было стать лучше. Он знал это ощущение.

Тогда – в коридоре. София только что заснула. Жена вышла за водой. Он остался один.

Присел на краешек стула. Ноги болели. Смотрел на экран, где что-то мигало. Не разбирал цифры. Просто ждал.

Потом встал. Подошёл. Приложил ладонь к её руке.

Она спала. Спокойно.

Слишком спокойно.

Тогда он подумал, что всё идёт на поправку. Так бывает – перед сном.

Перед новой главой.

Глава 7

«После обеда папа ушёл. Сказал, что снова позвали.

Мы остались в каюте. Мама сидела у двери. Смотрела в никуда.

Люси уснула с дельфином. Я рисовала. Просто, чтобы не молчать внутри.

Мама сказала, что, может быть, завтра всё изменится.

Я кивнула. Но не верила.

Иногда взрослые говорят это не нам. Себе.»

Марк перечитал это предложение:

«Иногда взрослые говорят это не нам. Себе.»

И снова – будто кто-то щёлкнул выключателем внутри.

Вспомнилась жена.

День, когда дочке опять стало хуже. Когда врачи сказали:

– Да, ещё есть время. Но его уже нельзя терять.

Он вернулся домой – на одну ночь.

Жена стояла у окна. Держала телефон.

Сказала:

– Я каждую ночь говорю себе: всё изменится. Чтобы не сойти с ума. Не потому что верю. А потому что должна.

Он тогда не ответил. Просто обнял её сзади.

Она не повернулась.

Сжал дневник сильнее.

Край страницы врезался в палец.

«Вечером вернулся папа. Усталый. Но всё тот же.

Он сказал, что завтра, может быть, дадут время на

прогулку. Если шторм обойдёт.

Люси запрыгнула к нему на колени. Он притворился, что она тяжёлая. Она смеялась.

Я смотрела на них.

И вдруг испугалась: а если это – последний смех, который я слышу от неё?»

Марк прикрыл глаза.

Смех его дочери всегда был высоким – почти визгом.

Он часто говорил ей: «Смеяться – это как пугать грусть».

А теперь – только эхо.

Он перелистнул.

И подумал: если бы он мог – он бы встал между этой семьёй и морем.

Не из долга.

Из вины.

«28 марта. После завтрака папа сказал, что ходим на палубу ещё раз. «Чтобы проветриться».

Но ветер был почти никакой. Только шум, как от работающего холодильника – ровный, будто фоновый.

Мы шли медленно. Люси держалась за руку. Мама – молчала.

Я посмотрела за борт. Вода была тёмной, как чернила.

И ни одной волны.

Ни пены. Ни бликов.

Мы плывём? – спросила я.

Папа сказал – да.

Но я не чувствовала движения. Только дрожь в животе.

Иногда дрожь – это и есть путь.»

Марк поднял глаза от страницы.

«Мы плывём?» – спросила Лея. Ему когда-то сказали похожее.

– Мы ещё едем?

– А ты чувствуешь? – спросил он.

– Нет.

– Значит, хорошо.

– А если плохо – но не чувствуется?

Он не знал, что ответить тогда. Теперь – тем более.

Он снова опустил взгляд.

«Мы прошли мимо мужчины в форме. Он говорил в рацию, быстро, сжато.

Я услышала только: “...ещё сутки. Лишь бы не паника”.

Мама обернулась. Папа взял её за плечи.

– Всё хорошо, – сказал он. – Они просто проверяют.

Но мама не кивнула.

Позже, в каюте, я услышала, как один мужчина говорил в коридоре:

– Они стоят. Уже несколько дней. Просто не говорят прямо.

Я притворилась, что не слышала.

Но внутри стало шумно.»

Марк закрыл дневник.

Шум. Не снаружи. Внутри.

Как тогда, когда он сидел в лодке – и не знал, на каком берегу София.

«29 марта. Сегодня свет моргал. Не весь. Только в коридоре. Я сначала подумала – экономят электричество. Но потом лампы замигали в нашей каюте.

Люси испугалась.

Папа сказал: “Это нормально. Бортовая сеть подстраивается”.

Но он сказал это, не глядя на нас.

Мама молчала. Я смотрела на её лицо.

И поняла: она ждёт, когда скажут что-то по-настоящему.»

Марк задержал дыхание.

«Свет моргал» – фраза такая простая. Но именно она – включила всё.

Был вечер. Он уже собирался – билеты, сумка, порт. Суд-

НО СТОЯЛО.

Капитан сказал:

– Погодное окно. Не пугаят. До рассвета точно нет.

Он вышел на пристань.

Видел огни города.

Где София лежала. Где жена ждала. Где он должен был
быть.

А он – стоял. Просто стоял.

И ничего не мог сделать.

Сел. Резко. Как будто в колени что-то ударило.

На груди – пустота.

Рядом – дневник.

*«Позже мы вышли из каюты. Мама сказала, что хочет
проверить зарядку на телефоне у стойки.*

*Там стояли ещё люди. Один мужчина спорил с кем-то из
экипажа:*

*– Мы плывём, да? Или уже нет? У меня ребёнок спраши-
вает – а я сам не понимаю.*

Ответа не было. Только:

– Всё под контролем. Просим сохранять спокойствие.

*Когда мы возвращались, двери каюты не открылись сра-
зу. Карта не сработала.*

Папа нажал три раза. Только потом – щёлк.

*Он сказал, что бывает.
Мама ничего не сказала.»*

Марк открыл дневник наугад.
Глаз упал на слово «ждать».
Он закрыл.

Глава 8

Ждать – самое страшное.

Потому что ты не знаешь, ждёшь ли ты конец. Или прощение.

«30 марта. Я проснулась от голоса. Он был тихий, глухой, как если бы кто-то говорил сквозь стену.

Я не сразу поняла – это мама. Она шептала:

– Если что-то случится – я беру Люси. Ты бери Лею. Сразу. Без вещей.

Папа ничего не ответил. Только дышал тяжело.

Я снова сделала вид, что сплю.»

Марк почувствовал, как всё внутри сжалось.

Это не просто фраза.

Это – распределение детей.

План.

Тот, который делают, когда надежда уже не стратегия, а

щепка.

*«Потом я услышала другое. За стенкой – кто-то плакал.
Взрослый.*

*Потом – звук удара. Как будто стукнули по чемодану.
Или по стене.*

Я крепче прижалась к подушке.

Мама заметила. Она обняла меня.

– Спи, – сказала она. – Просто спи.»

Марк закрыл глаза.

– Спи, просто спи, – сказала жена.

В ту последнюю ночь. По телефону.

Он хотел ответить: «Я выезжаю». Но не мог.

Судно не пустили. Шторм. Порт закрылся.

Было только море. И расстояние.

И воздух, в котором повисло:

– Тогда просто спи, Марк. Просто спи.

Он не мог спать.

Попытался подняться – и задержался в движении.

Будто тело сомневалось.

Согнулся, привалился к борту.

Не от усталости. От того, что всё стало слишком.

Даже сидеть.

«Позже в коридоре включился свет. Не весь. Только полосками, как зебра.

Мы лежали. Не спали.

Папа встал. Прислушивался к чему-то.

Потом – подошёл, сел рядом. Он ничего не сказал.

Но я знала – он думает. Слишком много. И слишком поздно.»

Вернулся он не сразу.

Вода отпускала медленно, будто не хотела отдавать. Только к вечеру позволила ступить на сушу.

Пальцы дрожали – от усталости, но дрожь была даже приятнее, чем та немая пустота внутри.

Дома тишина стояла плотная, как закрытая дверь.

Всё вокруг будто затаилось, ожидая, когда он снова станет тем, кто живёт, а не просто плывёт.

Он стянул мокрую одежду, оставил её на полу.

На кухне налил стакан воды, сделал глоток – и задержал его во рту, словно проверяя, помнит ли тело вкус.

Дневник лежал там же, где карта.

Он провёл пальцем по сгибу – не ища маршрут, а просто убеждаясь, что ещё способен что-то почувствовать.

«Сначала накренился стакан.

Я не сразу заметила. Просто услышала, как он стукнулся о край столика. Мама подхватила его, даже не глядя. Но

лицо у неё стало другое.

– Это качка? – спросила я.

Папа ответил не сразу.

– Возможно. Или просто ветер.

Но занавески были почти неподвижны. Шторы не шевелились.»

Марк задержал дыхание.

Он знал, как это бывает.

Когда всё кажется «возможно» – а потом наступает единственный момент, после которого всё уже поздно.

«Мы пошли на палубу. Люди ходили медленно, как будто и не знали – зачем. Никто не улыбался. Некоторые – переглядывались. Один мужчина сказал:

– Похоже, стоим опять.

Папа сжал мою руку.

Потом – наклон. Не сильный. Но я почувствовала, как тело съехало вперёд.

Люси упала. Мама подхватила её.

Кто-то вдалеке вскрикнул.

Папа сказал:

– Назад. Быстро.

Мы побежали к каюте. Потом – грохот. Как будто гигантская железная дверь упала на металлический пол.

Свет мигнул. Один раз. Потом – погас.»

Марк закрыл дневник. Не сразу. Держал его на весу. Как будто текст всё ещё шёл – где-то внутри.

Как будто ещё одно слово могло что-то изменить.

Он вспомнил, как в лодке думал: может, всё наладится. Казалось, ещё немного – и что-то сместится в правильную сторону. Теперь это чувство исчезало.

Не резко.

Просто стало дальше.

Как берег, который с каждой минутой меньше похож на спасение, и больше – на мираж.

«Когда свет загорелся снова, он уже не был прежним.

Жёлтый, тусклый. Как будто корабль стал старым.

Папа сказал:

– Соберитесь. Возьмите самое главное.

Мама спросила:

– Ты с нами?

Он ответил:

– Я подойду. Нужно помочь наверху. Я знаю, что делать.

Надел куртку. Повернулся к нам.

Улыбнулся – устало, будто держал себя ради нас.

– Всё будет нормально. Слушайте команду. Я скоро.

И ушёл.»

Марк провёл рукой по лбу.

Всё тело Леи – в этих коротких строчках.

Она не пишет: «я боюсь», но каждое слово – как дрожь.

«Сначала я подумала, что корабль просто качнуло. Как будто кто-то толкнул его сбоку – не сильно, но не как обычно.

Люси вскрикнула и вцепилась в одеяло.

Мама сказала: «Всё хорошо», но у неё были круглые глаза.

Через пару секунд – снова толчок. Уже сильнее.

Свет мигнул. Потух. Потом включился.

Жёлтый. Странный. Как будто стал слабым.

Я встала, но ноги дрожали. Пол казался мягким, неустойчивым.

Мама начала собирать вещи.

*Сначала надела куртку на Люси, потом сказала мне:
– Документы. И потеплее.*

Она не кричала. Но говорила быстро. Слишком быстро.

Я не сразу нашла куртку. Один рукав был вывернут.

Пока одевалась, подумала про папу. Где он?

Хотела спросить, но не стала.

Запах стал другой. Не дым – но как будто плавился пластик. Пахло техникой, которая больше не работает.

Когда вышли в коридор – свет продолжал мигать.

Люди стояли. Молча. Никто не кричал. Никто не двигался.

Смотрели на двери, которые открывались не сразу.

Я услышала голос – из динамика. Сначала тихо, потом чётко:

– Внимание экипажа. Срочный сбор у шлюпок. Сектор Б

– немедленно к местам. Действовать по инструкции.

Я не поняла, к кому это. Но мама – да.

Сказала:

– Берём Люси. Быстро.

И всё.

Мы пошли.

Не бежали – но шаги были тяжёлые. Как будто за нами уже что-то шло.

У шлюпок стояли члены команды.

Один кричал:

– Вперёд по списку! Только по списку! Не толкаться!

Мама подошла. Сказала имя.

Тот посмотрел. Покачал головой:

– Вас нет. Пожалуйста, отойдите.

Мама сказала:

– Мой муж в команде. Он велел нам идти к шлюпке.

– Все говорят, что кто-то велел, – ответил тот. – Но мест нет.

Только по списку. Всё занято.

Люси заплакала. Я обняла её.

Мама смотрела в лицо этому человеку – и молчала.

Потом раздался ещё один голос:

– Дайте пройти! У меня ребёнок! Я беременна!

Кто-то закричал:

– Шлюпка переполнена!»

Он больше не мог сидеть.

Оттолкнулся от стула, прошёл вдоль кухни – не замечая, зачем.

Руки казались чужими. Сердце – как что-то, что стучит отдельно, не зная, к чему теперь привязано.

Всё рушилось не громко.

И он ничего не мог с этим сделать.

Только жить рядом.

Слишком близко, чтобы отвести взгляд.

«Потом мама повернулась. Сказала:

– Мы подождём. Он придёт. Он говорил.

Мы отошли от шлюпки. Сели у стены. Рядом стояли люди.

Шли мимо. Кричали. Плакали.

Один мужчина ругался. Кто-то читал имена.

Но мы – просто ждали.

Люси уснула у меня на коленях.

Мама гладила её по волосам, но смотрела не на неё. Смотрела в пустоту.

Я держала дневник. Иногда, когда пишешь – становится

тише.

Как будто всё ещё нормально.

Потом – голос.

Резкий, но знакомый.

– Лея!

Я подняла голову. Он был там.

Папа. В куртке. Лицо – мокрое от пота. В руке – рация.

– Пошли. Быстро.

Он взял Люси на руки. Мама встала, прижала меня к себе. Мы пошли.

Около шлюпки кто-то крикнул:

– Они не в списке!

– Он из команды! – ответил кто-то. – Им дали место!

Нам открыли борт шлюпки.

Она была большая, почти закрытая. Похожая на капсулу.

Внутри уже сидели люди. Узкий проход. Пластиковые лавки вдоль стен.

Свет был тусклым, и всё гудело – будто внутри чужого организма.

Папа посадил нас внутрь. Люси проснулась. Тихо сказала:

– Папа, ты с нами?

Он замер. Улыбнулся.

Но ответил не сразу.

– Я помогу загрузить остальных. Потом догоню. Лодка

за мной.

Он исчез за дверцей шлюпки.

Мама села рядом. Держала меня за плечи.

Я прижала Люси к себе.»

Марк закрыл дневник.

И всё вернулось. Не с самого начала, не с витрины. Позже – когда они уже шли вместе. Дочь говорила о фильме, больше сбивалась, чем рассказывала, и смеялась.

Он слушал не сюжет, а интонацию.

С ней было просто – идти, дышать, существовать.

Позади кто-то сорвался на крик.

Не в ярости – в страхе, смешанном с обидой.

– Это по рецепту! Мне положено!

Ему ответили почти шёпотом, с усилием:

– Уже сказано. Без направления – нельзя.

Он замедлил шаг. На уровне спины чувствовалась та неровная тишина, которая остаётся после слов.

Через пару секунд – резкий звук.

Стук. Не стекло – металл, как будто что-то тяжёлое врезалось в угол дома.

Он обернулся.

У стены – охранник. На земле.

Второй человек стоял над ним. Лицо напряжённое, затаенное. Потом резко отступил, бросил взгляд – не на помощь,

а на улицу.

И исчез за углом.

Марк ничего не объяснял. Просто сказал:

– Подожди тут.

Она кивнула. Без лишнего. Просто верила.

Когда он опустился рядом с женщиной, тот был в сознании, но едва.

Он ничего не объяснял. Просто делал, что умел: расстегнул воротник, проверил дыхание, нащупал пульс. Подложил под голову свёрнутую куртку, сказал кому-то – «воды». Кто-то уже звонил, пытался объяснить, что происходит. Люди собрались.

Кто-то спорил, кто-то оправдывался, кто-то просто смотрел.

Когда всё стало тише – в голове, не вокруг – он обернулся.

Софии не было.

Глава 9

«Нас оттолкнули.

Мама держала Люси, я – край сиденья.

Вода тёмная, с редкими бликами от прожекторов, пахнет металлом и солью.

Лайнер – всё ещё огромный, но уже не живой.

Папа остался на палубе. Мы в шлюпке. Люди кричат. Кто-то тянет руки. Поднимает детей, показывает куда

бежать. Не могу всё записать. Мокро. Холодно. Пальцы онемели.

Корабль гудит... низко, как будто боится. Крен – чуть, потом больше. Палубы становятся кривыми. Свет гаснет кусками, как если бы кто-то выключал этажи.

Вода всё выше ползла по лайнеру.

Потом – вдруг папа перил. Смотрит на нас.

Прыгнул. Всплеск!

Кричат: «Человек в воде!»

Это он. Живой. Втянули. Сказал только: “Всё. Всё”.

Не могу писать, руки дрожат. Допишу потом.»

Марк перевернул страницу.

Они были вместе. Пока ещё были. Он выдохнул.

Но в этом выдохе была тень, что ждёт следующую бурю.

«31 марта. Сегодня не было ничего. Только небо и море.

Когда проснулись, вокруг уже не было ни одной лодки.

Кто-то, у кого был бензин, ушёл своим курсом.

Кто-то отдрейфовал за ночь так далеко, что и точек на горизонте не осталось.

Никто никого не звал.

Никто никому не помогал.

С утра кто-то пытался завести мотор. Он взревел один раз – и заглох. Папа сказал, что топлива почти нет. Может, хватило бы на час.

Один из мужчин махнул рукой в сторону горизонта, говорил, что берег там. Но потом все замолчали, и папа только покачал головой.

Нас несёт. Никто не знает – куда.

Мама обняла Люси и сказала, что главное – держаться вместе.

Папа смотрит вдаль, как будто всё ещё ищет другие лодки. Или берег..»

Марк читал, не отрываясь.

Ветер бился в окно – настойчиво, почти в такт строкам. Совпадение? Или предупреждение.

В знаки он не верил, но теперь всё звучало как знак.

«Днём ветер усилился.

Сначала – будто шутит. Потом – толкает нас.

А потом – как будто хочет перевернуть.

Мы вцепились в поручни и спинки сидений.

Волны бились в корпус так, что казалось – он треснет.

Люси кричала. Мама закрыла её собой.

Папа крикнул:

– Вычерпывайте воду! Я удержу курс!

Что значит “удержать курс”, если мотор молчит и нас несёт, как щепку?

Встал у руля, схватил весло, упёрся – будто можно от-

толкнуть саму волну.

Кричал на море – и, кажется, оно слушалось. Хоть чуть-чуть.»

Марк закрыл глаза.

В словах Леи про шторм – его шторм.

– Спи, просто спи, – донеслось эхом из прошлого.

После того разговора он поднялся, вышел в ночь.

Сначала ходил по порту.

Подходил к рыбакам, к владельцам катеров – просил выйти в море.

Кто-то отмахивался:

– Ты с ума сошёл, там волна в три метра.

Кто-то просто молча крутил головой.

В конторе проката сказали:

– В шторм аренда запрещена. За любые деньги.

Он вышел обратно на пирс.

Ветер рвал тенты, вдалеке гудели тросы на мачтах.

И тогда он увидел её – маленькую моторную лодку, покачивающуюся в тени.

Ни охраны, ни хозяина. Только цепь, которую легко снять.

Он стоял несколько секунд, слушая, как в голове спорят «нельзя» и «надо».

Потом шагнул вперёд.

Снял крепления, проверил бак – топлива чуть больше по-

ЛОВИНЫ.

Должно хватить.

Отвязал швартовы, сел за руль.

Повернул ключ – мотор заурчал, вздрогнул и пошёл.

Нос лодки прорезал первую волну...

Ветер рос. Вода летела в лицо острыми брызгами.

С каждой минутой казалось, что море злится на него за то, что он сюда пришёл.

Первая волна ударила вбок так, что его отбросило к борту.

Вторая смыла всё, что лежало в лодке.

Третья подмяла её снизу и развернула носом к чёрной бездне.

Он вцепился в руль, но треск пластика и визг мотора сказали – лодка долго не продержится.

Вода ворвалась в кокпит. В следующую секунду его выбросило за борт.

Марк открыл глаза, прежде чем память увела его туда целиком.

Туда, где начиналось то, что он не готов пережить ещё раз.

«Когда всё стихло, мы были мокрые.

Папа сидел, тяжело дыша. Весло в руках – треснуло.

Но лодка была цела.

И мы – тоже.»

«1 апреля. Жара стала другой.

Не как солнце в городе. А как будто само небо хочет испарить тебя.

Только тогда поняли – провизии мало. Воды не так уж много, опреснителей всего два или три.

Часть запасов унесло вчерашними волнами: канистры и еду никто не убрал внутрь, и волна смыла их с лавок и палубы.

Что успели схватить – то и осталось. У кого в руках, тот и забрал.

Папа сказал, что надо рассчитывать на долгий путь.

Люси всё время просит воды.

Мы даём. По чуть-чуть.

Но папа говорит – надо беречь.

Кто-то из взрослых сказал:

– Если так пойдёт дальше – надолго не хватит.

У одного мужчины фляга была почти полной. Но он не делился. Сидел, отвернувшись, и пил сам.

Я видела.»

Марк замер.

Он помнил, как однажды – в рейсе – один рыбак прятал еду. Это кончилось плохо.

Но не потому, что еды не стало, а потому, что начали друг в друге видеть врагов.

«Мама сказала:

– Надо говорить. Надо решать вместе.

Но никто не слушал. Все были слишком уставшие.

Или – уже чужие.

Папа долго говорил с одним из членов команды. Тихо, чтобы никто не слышал. Потом вернулся.

Глаза стали жёсткими.

– Будьте рядом. Не отходите. Ни на шаг.

Я спросила:

– Почему?

Ответа не было.

Он просто сел рядом, обнял нас и смотрел на горизонт. Но взгляд шёл дальше – туда, что было за ним.»

«2 апреля. Сегодня началось.

Не громко, но так, что внутри похолодело.

Будто соль просочилась в лодку не снаружи, а между нами. Щепотка – в каждую душу. И стало щипать.

Слова укоротились. Взгляды – наоборот, стали длиннее. И уже смотрели не на волны, а на чужую флягу.

Воды оставалось всё меньше, еда тоже заканчивалась.

Чем меньше становилось припасов, тем жаднее люди старались съесть побольше – ели до боли в животе, будто завтра еды не будет вовсе.

Опреснителей на всех не хватало – приходилось ждать, пока один освободится, а потом делить по глотку.

Мужчина в углу – тот, что не делился водой – сказал, что наша фляга почти пуста.

Папа ответил:

– Должно хватить. До вечера.

А он усмехнулся:

– До вечера... вам четверым. А тут ещё десять человек.

Кто решил, кому хватит?

Никто не ответил.

Но слова – как заноза.

Позже мама услышала, как кто-то шепчет:

– У них дети. Им всё отдают. А мы что – не люди?»

Марк отложил дневник.

Это было слишком знакомо. Он знал: не нужно крика, чтобы корабль начал тонуть.

Достаточно – тишины с чужими глазами.

«Вечером один из пассажиров дотронулся до нашей фляги.

Папа сразу поднялся. В руках оказалось весло – будто оно там лежало специально для этого.

Он сказал спокойно, но так, что все замолчали:

– Убери руки.

Пассажир помедлил. Смотрел в упор, проверяя, дрогнет ли голос.

Не дрогнул.

Тогда он отошёл. Но взгляд его задержался дольше, чем шаги.

И ушёл он не один.

Ночью я проснулась от слов. Шёпотом.

Голос тот же:

– Пока они спят – возьмём, что нужно. А потом... пусть делают, что хотят.

Я посмотрела на папу.

Он не спал. Он всё слышал.

И я знала – он уже решил.

Сегодня стало ясно: лодка не выдержит всех. Не потому что треснет.

А потому что начали трескаться люди.

«3 апреля. Днём сломался один из опреснителей. Папа пытался починить – не получилось.

Осталось два. А жаждущих – много. Очередь вдоль борта стала длиннее.

А солнце – ближе. Кто-то больше не ждал – просто наливал себе сам. Кто-то – только смотрел.

Слов было меньше. Но взгляды – острее.

Вечером началось: крики, ссоры, один мужчина вырвал флягу у женщины.

Папа встал. Сказал твёрдо:

– Верни.

– А если нет? – ответил тот.

Папа крепче сжал весло и ударил концом в борт.

Звук разнёсся так, что все замолчали.

Они стояли лицом к лицу. Долго.

Потом тот бросил флягу на пол и ушёл. Но с ним – ещё двое.

Позже я услышала:

– Пусть плывут сами. И воду пусть свою с собой унесут.

Это не были угрозы.

Это была черта.

Которую скоро кто-то перейдёт.»

«4 апреля. Всю ночь и день папа кажется не спал.

Сел. Снял куртку. Вздохнул – тихо, но будто на дно.

– Я больше не могу рисковать вами.

Он достал карту.

Показал направление.

– Если течение нас не подведёт, через шесть-семь дней будут острова. Может, раньше. Если ветер встанет.

Мама кивнула. И спросила:

– А они?

Он посмотрел на лодку. На тех, кто ещё верил, что спасение – в тесноте и расчёте.

– Они выберут сами.

«Поздно ночью он разбудил нас.

Тихо. Осторожно. Показал жестом – молчать. Потом – накинул капюшон на Люси. Мне передал маленькую сумку: в ней был термос, свернутый плед, немного еды. А опреснитель он взял сам – держал крепко, как оружие.

Будто понимал: именно это решает, доживём мы до берега или нет.

Мы крались по лодке.

Никто не спал по-настоящему. Но и встать – сил ни у кого не было. Все устали так, что даже злиться разучились.

У самого борта лежала надувная лодка.

Папа развязал верёвки, проверил спасательный пакет. Тёмная, тяжёлая – но держала. Осторожно спустил её в воду.

Мы сели втроём. Люси дрожала, я обняла её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.